
ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АРМЯНСКОМ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Кандидат филол. наук Л. А. САРАДЖЕВА

7

В свете современного состояния сравнительного языкознания изучение армяно-славянских лексико-семантических параллелей может внести серьезный вклад в решение вопроса о воссоздании ранней истории народов, говоривших на диалектах общиндоевропейского языка, и изучения индоевропейских древностей. В настоящей работе ставится задача проследить на материале древнеармянского и славянских языков некоторые общие черты и закономерности в отражении индоевропейской животноводческой терминологии, восходящей к эпохе индоевропейской языковой общности. Исследование животноводческой терминологии представляет особый интерес и в связи с тем, что помимо широкого круга терминов, относящихся к собственно материальной культуре и экономике, она включает в себя и обозначения элементов духовной культуры, соотносясь с обширным кругом социальных функций.

Если лингвистический анализ терминов в системах сравниваемых языков с углубленным проникновением в историю их образования значительно выигрывает от знания истории реалий материальной культуры, то, с другой стороны, чем больше мы углубляемся в древние эпохи, тем больше возрастает значение лингвистических исследований. Успехи, достигнутые в этой области, оказались возможными благодаря соединению результатов собственно лингвистических исследований с данными этнологии и истории соответствующих периодов¹.

В сфере экономических отношений скотоводство и связанные с ним предметы материальной культуры играли решающую роль в жизни индоевропейцев. Разведение домашних животных имело место уже в неолитическую эпоху, и поэтому разветвленная скотоводческая терминология хорошо реконструируется и интерпретируется семантически².

¹ См., в частности: E. Benveniste, *Don et échange dans le vocabulaire indo-européen*, — „Problèmes de linguistique générale“, Paris, 1966; е т о ж е, *Le vocabulaire des institutions Indo-européennes. I, Economie, parenté, société*, Paris, 1969.

² Названия животных в индоевропейском подробно рассмотрены в кн.: E. Gottlieb, *A Systematic Tabulation of Indo-European animal names* (Language Dissertations, VIII), Philadelphia, 1931; E. Raucq, *Contribution à la linguistique des noms d'animaux en Indo-européen*, — „Werken uitgegeven door de faculteit van de wijsbegeerte en letteren, 88e Aflevering“, Antwerpen—'S-Gravenhage, 1939; E. Benveniste, *Noms d'animaux en Indo-européen*, — „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, 130, fasc. 1, 1949, стр. 74—103.

В этом отношении гипотеза Губшмида³ о возникновении названий домашних животных из призывных междометий является попыткой подойти к относительной хронологии одомашнивания и начала скотоводства⁴.

Существование развитого древнего скотоводства подтверждается как археологическими раскопками⁵, так и лингвистическими данными. Для обозначения крупного рогатого скота в общиндоевропейском языке-основе имелись два корня: и.-е. *gou- и *tauro-⁶. И.-е. *gou-, имевшее значение «крупный рогатый скот», сохранилось в большинстве индоевропейских языков, в том числе армянском и славянских. В славянских языках представлено древнейшее собирательное значение, которое относилось как к мужской, так и женской особи: ст.-сл. *говедо*, блр. *гавяде*⁷, болг. *говедо* «крупный рогатый скот». Между тем в армянском, ирландском и германских языках и.-е. *gou- получило значение женской особи: арм. *ков*, ирл. *bō*, др.-в.-нем. *chuo* «корова». От этого же корня в др.-арм. языке образовано и название масла: арм. *kogī*, при др.-инд. *gav-yañ*, авест. *gaо-ya* «коровий».

Развитая животноводческая терминология с важным различием самца и самки означала, по-видимому, переход к молочному хозяйству, широко и повсеместно осуществившийся после распада индоевропейской языковой общности. Последним обстоятельством, вероятно, можно объяснить и многообразие в обозначении коровы: арм. *ков*, прасл. **koḡva*, др.-инд. *dhenu*, авест. *daenu*, др.-инд. *vaṣa* и лат. *vassa* и т. д.

Названия быка в древнеармянском и славянских языках восходят к различным ареалам и представлены, с одной стороны, и.-е. **tauro-* «дикий бык», ст.-сл. *тоуръ* «бык»⁸, лат. *taurus*, греч. *ταῦρος*, алб. *tarok*,

³ J. Hubschmid, Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen, — „Vox Romanica. Annales helvetici explorandis linguis romanici destinati“, Bd. I, 1954, стр. 184.

⁴ В обозначении домашних животных прослеживаются и другие устойчивые семантические признаки: а) по внешним данным: и.-е. **ker-/*kor-/*kŕ-* «рог», прасл. **koḡva*, рус. *корова*, при лат. *seŕvus* «олень», согпн «рог», греч. *κεράς* «рогатый»; б) по характерным особенностям пола: прасл. **roḡzъ* «производитель», рус. диал. *пороз* «производитель» < и.-е. **reg-/*rog-* «рождать, производить»; в) ономотопонематическая характеристика (по реву, мычанию): ст.-сл. *быкъ* «бык», *бычати* «мычать», арм. *так'і* «овца» < и.-е. **tek-* «блеять»; г) по внутренним признакам: и.-е. **g'nei-* «быстро передвигаться», арм. *ii* «лошадь»; д) возрастные характеристики, в основе которых лежит отголосок древнего языческого культа: и.-е. **leḡo-* «год», рус. *ярка* «овца в возрасте не более года», арм. *апik* «годовалое животное» < **am-* «год».

⁵ Л. Нидерле, Славянские древности, М., 1956, стр. 319; Древнее поселение в Подмоскowie, М., 1970.

⁶ Примеры приводятся на основании этимологических словарей: J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern und München, 1959; *Հանրահայր, Հայերեն արձատիպանքի բառարան*, I—VII, *Երևան, 1926—1935*.

⁷ Н. Чудовский, Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор, — «Русский филологический вестник», т. 39—40, 1898, стр. 70.

⁸ См. F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886, стр. 75; E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I,

кельт. *tarvos*; с другой стороны, — и.-е. **ag'h-*, др.-инд. *ahī* «корова», арм. *ezn* «вол, бык», ср. ирл. *ag* «скот», «корова», *ag allaiā* «олень» < **«дикий бык»*. Практические потребности способствовали дифференциации и специализации животноводческой терминологии. Помимо вышеприведенных обозначений, на славянской почве широко использовался целый ряд названий для быка-производителя, обозначающих характерные особенности животных в связи с их полом и способностью к размножению: ст.-сл. *быкъ* — оноματοпоэтического происхождения⁹, прасл. **rogъ*, рус. диал. *пороз*, восходящие к и.-е. **reg-/*rog-* «рождать, производить»¹⁰, откуда с другими детерминативами арм. *ort* «теленок», чеш. *srgatek* «недоношенный теленок»¹¹, др.-инд. *ṛthuka-* «молодое животное», греч. *πορταῖς* «телка». Лексическая емкость и.-е. основы **reg-/*rog-* «рождать, производить» вполне объясняет семантическое развитие слов, восходящих к этой основе и обслуживающих данную конкретную систему с необходимой точностью и соответствующей ее потребностям степенью детализации.

В древнеармянском и некоторых славянских языках прослеживается также такой важный термин, как «бесплодие животных»: и.-е. **ster-* «бесплодный» > арм. *sterj* «яловый», чеш. *štira* «бесплодная телка», болг. *стерица* «бесплодие» (о животных), сербх. *штиркиња* «бесплодная телка», ср. лат. *sterilis*¹².

Наряду с крупным рогатым скотом были известны овцы и козы, которые засвидетельствованы в качестве домашних животных у всех древних индоевропейцев: у индов Ригведы, у иранцев Авесты, у греков Гомера. Особенно широкое распространение ввиду своей хозяйственной ценности получила овца. Общее название и.-е. **oǵi-* «овца», относящееся к числу древнейших слов, сохранилось в большинстве индоевропейских языков: прасл. **ovьsa*, **ovьpъ*, ст.-сл. *овьца* и т. д., лит. *avis*, лтш. *avs*, греч. *οἴς*, др.-инд. *āvīḥ*, лат. *ovis*, ирл. *óí*, кимр. *ewig*, гот. *awēfi* «стадо овец», др.-в.-нем. *ou* «овца»¹³. В древнеармянском языке и.-е. корень **oǵi-* сохранился в производном образовании *hoviw* < **oǵi-pā* «овчар, овечий пастух» (ср. др.-инд. *avīpalaḥ* «пастух») при *mak'ī* «овца» < **mek-* «блеять» оноματοпоэтического происхождения¹⁴.

Heidelberg, 2 Aufl., 1924, стр. 338; М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. IV, М., 1974, стр. 122.

⁹ Ср. О. Н. Трубачев, Происхождение названий домашних животных в славянских языках, М., 1960, стр. 9.

¹⁰ Там же, стр. 41.

¹¹ Подробно о функционировании и.-е. основы **reg-/*rog-* в славянских языках см.: Г. П. Клепикова, Славянская пастушеская терминология, М., 1974, стр. 37—44.

¹² V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 515.

¹³ F. Miklosich, EW, стр. 229; R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1910, стр. 220—221.

¹⁴ Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967, стр. 99.

Лингвистическое исследование животноводческой терминологии дает возможность в известных пределах выдвигать на основании языковых данных выводы внеязыкового значения. Так, например, поскольку на общеиндоевропейском этимологическом уровне реконструируется корень *oǵi- «овца» и *uǵnā «шерсть», то из соотношения этих слов возможно предположить значение «домашняя овца»¹⁵.

Названия козы, напротив, имеют значительное фонетическое разнообразие. В различных ареалах индоевропейской области употреблялись разные названия, поэтому их распространение в известной мере проливает свет на взаимосвязи между отдельными индоевропейскими племенами. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что коз держали преимущественно в горных местностях, и они были сравнительно малоценными животными. По мнению Кронассера¹⁶, множественность обозначений козы объясняется древней культовой ролью этого животного и связанными с этим неизбежными языковыми табу. Это создавало исключительные условия для развития локальной терминологии и проникновения заимствований.

Индоевропейские обозначения козы распределялись по ареалам следующим образом. Исключительно восточный характер имеет др.-инд. aḷā «козел», ср.-перс. azak «коза», лит. ožys, но в др.-прусс. wossux, алб. dhī «коза», в других индоевропейских языках параллелей нет. Косвенным свидетельством наличия этого слова в славянском¹⁷ является старое производное, обозначающее «козью шкуру»: ст.-сл. *язьно* < прасл. *азьно, ср. др.-инд. aḷina-, лит. ožinis.

Исключительно западный характер имеет и.-е. *ghaid- или *g'haid-, лат. haedus, гот. gaitis, др.-исл. geit, др.-в.-нем. geiz¹⁸.

Локальную изоглоссу представляет арм. аус «козел» и греч. αἴξ¹⁹.

В кельтских языках имеется свое название этого животного: др.-ирл. gabog «козел»²⁰.

Неясной остается первоначальная область распространения и.-е. *bhug'o- «козел», встречающегося в арм. buc «ягненок», авест. buza «козел», цыган. buzpi «коза», др.-исл. bukk, др.-англ. bucca, др.-гол. buck, н.-в.-нем. Bock «козел»²¹.

¹⁵ P. Thieme, рец. на кн.: H. Hencken, Indo-European languages and archeology, — „Language“, vol. 33, № 1, 1957, стр. 189.

¹⁶ H. Kronasser, Handbuch der Semasiologie, Heidelberg, 1952, стр. 172.

¹⁷ В качестве основного названия животного в славянских языках выступает *коза*, причем достоверные родственные связи с другими индоевропейскими языками отсутствуют. Согласно распространенному мнению, этимология данного слова, по всей видимости, носит характер древнего заимствования из тюркских языков. См. J. Hubschmid, Pirenäenwörter vorromanischen Ursprungs und das vorromanische Substrat der Alpen, — „Acta Salmanticensia“, t. VII, № 2, 1954.

¹⁸ В. Порцинг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964, стр. 242.

¹⁹ Там же, стр. 171.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. См. также V. Pisani, рец. на кн.: J. Hubschmid, Schläuche und Fässer, — „Paideia“, anno 12, 1957, стр. 327.

Значительным архаизмом является название ягненка, ареал распространения которого охватывает славянские, латинский, греческий, германские и кельтские языки: прасл. *agnę, ст.-сл. агне, агньць, др.-рус. ягне, рус. ягненок, лат. agnus, греч. агнос, англ. eapian „котиться (об овце)», ирл. йап «ягненок»²². Это слово отсутствует в армянском и индоиранских, являясь в значительной степени элементом западной области индоевропейского словаря.

Молодые животные приносились по целому ряду религиозных и практических соображений в жертву. В связи с этим следует отметить названия молодых животных из и.-е. *јего- «год», которые получили распространение во всех славянских языках со значением «молодая овца (баран)» или «коза», «козел»: рус. ярка, ярочка, польск., чеш. јага и т. д., сербх. јаге «козленок»²³, бол. јере «козленок» и т. д.²⁴ Балтийские формы — лит. ёгас «ягненок», др.-пруск. егистіан «ягненок» — считаются контаминированными с *ёго- «козел», восходящим к и.-е. *ег- «козел», «овца», «корова», откуда и арм. егінј «теленок».

Использование молодых животных при жертвоприношении представляет собой отголосок древнего языческого культа, приуроченного к одному и тому же календарному циклу²⁵. Аналогичная семантическая параллель прослеживается в армянском (арм. *ам- «год» и амік «годовалое животное, козленок»), греческом (греч. ёτος «год» и ёτελον, ёταλον «годовалое животное») и др.

Интересно отметить следующее возможное армяно-славянское совпадение в обозначении молодых животных: арм. kоgіwn «детеныш» (особенно лъвенок) — праслав. *zєrbę, ст.-сл. жрѣбє и т. д., которые продолжают и.-е. *gʷerbh-/*zʷerbh- «чрево, угроба» (ср. с греч. βρέφος «плод во чреве, детеныш», др.-инд. gārbha- «чрево, плод», авест. gərəva то же)²⁶. В приведенных индоевропейских корнях -bh- явное распространение (детерминатив). Педерсен, сравнивая арм kоgіwn со ст.-сл. жрѣбє «жеребенок», допускает для армянского слова вызывающее сомнение изменение *korbh > *korn > kоgіwn²⁷. Петерссон²⁸ приводит для сравнения также санскритское слово gṛstī «бычок» и восстанавливает праформу *gʷer-, которую с некоторым колебанием относят к *gʷerbh-²⁹. В последнее время О. Хаас армянское

²² М. Фасмер, ЭС, т. IV, стр. 544 и сл.

²³ Там же, стр. 56.

²⁴ Български етимологичен речник, св. 4, София, 1969, стр. 560.

²⁵ Подробно см. Л. Сараджева, Индоевропейские временные понятия и их развитие в армянском и славянских языках, «Вестник» АН АрмССР (обществ. науки), 1976, № 7, стр. 30—31.

²⁶ М. Фасмер, ЭС, т. II, стр. 48.

²⁷ Н. Pedersen, Zur armenische Sprachgeschichte, Berlin, 1911, 2, стр. 191 и сл.

²⁸ Н. Petersson, Arische und armenische Studien, Lund, 1920, стр. 240 и сл.

²⁹ М. Mayrhofer, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I, Heidelberg, 1956, стр. 344.

слово сравнивает с „дофригийским“ *Κορυβαγν-* и восстанавливает для них праформу: *g^her(e)bhnt-/*g^hor(e)bhnt- с суффиксом ^h-nt, характерным, кроме армянского, и для славянского (ср. ст.-сл. *жрѣбе*).

Кроме перечисленных видов животных, существовала и домашняя свинья.³¹ Основное славянское обозначение свиньи (прасл. *svinьja, ст.-сл. *свиньѣ*, рус. *свинья*, польск. *świnia*, болг. *свиня* и т. д.) имеет надежные параллели во многих индоевропейских языках и восходит в конечном счете к и.-е. *su-, ср. лат. *sus*, греч. *ῥς*, а также др.-в.-нем. *sū*, нем. *Sau*, авест. *hū*, алб. *thi*, тох. В *súwo*, др.-инд. *sūkaras* „свинья“³².

Славянские наименования „поросенка“ (прасл. *porse, ст.-сл. *пра-се*, болг. *прасе*, сербх. *прáсе*, рус. *поросенок*, польск. *prosię* и т. д.)³³ восходят к и.-е. *porkos, которое исконно обозначало как свинью, так и ее детеныша. Сюда же относятся лит. *paĩšas* „поросенок“, др.-прусс. *parstian* „поросенок“, лат. *porcus* „поросенок“, а также „домашняя свинья“, греч. *πóρκος*, др.-в.-нем. *far(a)h* „поросенок“, и т. д.

Удалось доказать наличие индоевропейского *por^hos и в тех областях, где оно считалось отсутствующим³⁴: мордов. *purts*, коми *porś* из иран. *parsa- (ср. авест. *parəsa), свидетельствующие о том, что старое толкование *por^hos как „домашняя свинья“ неверно и что, исходя из этого, нельзя ограничивать область распространения свиньи лишь частью индоевропейской территории³⁵.

В древнеармянском языке общеиндоевропейское название свиньи не сохранилось (арм. *хоз* «свинья», а также *хоџ-* „свинья“ в *хоџког* «поросенок», где *ког*, возможно, из индоевропейского источника)³⁶.

Среди домашних животных индоевропейцев особое место занимала лошадь. Восстанавливаемое для общеиндоевропейского название лошади *ek^huos- известно в др.-инд. *aśva* «лошадь», авест. *aspa*, тох. А *yuk*, греч. *ἵππος*, лат. *equus*, галльск. *epo*, Еропа, букв. «большая кобыла», др.-ирл. *ech* «жеребенок». Спорно мнение, согласно которому в армянском языке и.-е. *ek^huos- находит косвенное отражение в названии осла (арм. *ēš*)³⁷. Некоторые авторы в поддержку этого мнения

³⁰ O. Haas, *Die phrygischen Sprachdenkmäler*, Sofia, 1936, стр. 155. См. также: Գ. Ք. Ջ ա հ ս ո չ ի շ ի ն, *Հ ա լ ի ղ ի ն և հ ն դ ե ղ ը ռ ո լ շ ի ն ի ն լ ի ղ լ ի ն ը ը*, Երևան, 1970, стр. 121—122.

³¹ E. Benveniste, *Noms d'animaux...*, стр. 77, 85.

³² М. Фасмер, ЭС, т. III, стр. 579.

³³ Там же, стр. 332.

³⁴ E. Benveniste, *Noms d'animaux...*, стр. 85.

³⁵ K. Hofmann, *Drei indogermanische Tiernamen*, Berlin, 1967, стр. 25—39; I. Gerschevich, *Iranian words containing -ān-*, „Iran and Islam“, Edinburgh, 1971, стр. 267—291.

³⁶ Հ. Ա ճ ա ղ ի շ ի ն, указ. соч., т. VI, стр. 1373.

³⁷ C. Watkins, *Language of gods and language of men; remarks on some Indo-European metalinguistic traditions*, „Myth and law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European comparative mythology“, Berkeley—Los Angeles—London, 1970, стр. 7.

приводят также типологическую параллель из шумерского ANŠU.KUR.RA «горный осел», в позднейших текстах используемое как обозначение коня³⁸. Вполне возможно, что н.-е. *ek'uos- существовало в протоармянский и протославянский периоды; исчезновение этого корня, по-видимому, следует рассматривать как чисто лингвистическую проблему, т. е. искать причину в местном своеобразии соответствующих форм языка.

В древнеармянском название лошади ji восходит к н.-е. корню *g'hei- «гнать, быстро передвигаться» и имеет единственную параллель в др.-инд. haṇa-ḥ «конь», которое встречается только в Веде и носит поэтический характер, в то время как в качестве обычных названий выступают suṇya- и aśva-. По-видимому, слово, относящееся к древнеиндийской религиозной поэзии, повлияло на древнеармянский язык в эпоху ранних контактов индов и армян, что и привело к замене общиндоевропейского обозначения. Помимо приведенного слова, в древнеармянском засвидетельствованы также следующие обозначения лошади, жеребца, кобылы: hovatak, eḡivaḡ, p'zoṅḡ, mataḡ, zambik, которые, кроме eḡivaḡ, происхождение которого неизвестно, представляют собой поздние иранские заимствования.

Словом общеславянского значения является *конь*: ст.-сл., др.-рус., рус. *конь*, польск. *koń*, чеш. *kůň*. Из остальных обозначений следует отметить *орь*, *комонь*, *кобыла*, *жрёбѣ*. Тюркским заимствованием является слово *лошадь*, имеющее распространение в русском языке³⁹.

Следует упомянуть также еще об одном виде домашних животных — о собаках. Первоначально их использование могло носить случайный характер, в частности на охоте, основанное на врожденных качествах. С развитием у индоевропейцев скотоводства собака приобрела новое значение — охранителя стад. Охотничьи псы отличались легкостью и стремительностью (ср. перс. tāzī «быстроходный», откуда через турецкий арм. tazi «борзая») ⁴⁰, а сторожевые — массивностью и мускулистостью.

Как и лошадь, собака в раннеклассовом обществе могла быть предметом роскоши. До наших дней сохранились уходящие в глубокую древность следы религиозного почитания собаки как животного, наделенного сверхъестественной божественной силой (к примеру, у славян в виде народного поверья о четырехглазой собаке, которая видит и отгоняет нечистую силу, а также миф о четырехглазой собаке в Авесте).

Общеиндоевропейским обозначением собаки является *k'uos-, которое находит параллели в армянском и других индоевропейских

³⁸ В. В. Иванов, Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей, — «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев», М., 1976, стр. 36.

³⁹ Подробно см.: О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 47 и след.

⁴⁰ Изображения гончих на четырех золотых киликах, найденных в тайнике возле погребального круга А в Микенах, показывают, что еще в середине II тыс. до н. э. были выведены специальные охотничьи породы. См.: Sp. Marinatos, M. Hirmer, Kreta und mikenische Hellas, München, 1959, табл. 189.

языках, но не отражается в славянских: арм. *šun* „собака“, лит. *šuo*, лтш. *suns*, др.-прус. *sunis*, др.-инд. *śúva*, авест. *spā*, греч. *κύων*, лат. *canis*, гот. *hunds*, тох. А *ku*, фригг., фрак. *ka*, хетт. иерогл. *šuwana*⁴¹.

Общеславянским названием собаки является *рьсь «собака», имеющее параллели во всех славянских языках: ст.-сл. *рьсѣ*, др.-рус. *рьсь*, рус. *рьс*, польск. *pies*, чеш., слов. *pes*, словен. *pes*, сербх. *пас*, бол. *пес*, *пѣс*, *псе*, *псето*⁴². Согласно распространенному мнению (Ильинский⁴³, Остгоф⁴⁴, Миклошич⁴⁵ и др.), славянское *рьсь связано с лат. *pecus* «скот», др.-инд. *ráṣu*, авест. *rasu*, др.-в.-нем. *fihu* «скот». Славянское *рьсь при этом возводится к условно реконструируемым звеньям (Остгоф): *рьсь < *рьсо-stražь „охранитель скота“ < *рэк'у- : *рек'у-. Однако более убедительным является сравнение с др.-инд. *riṣaṅgas* „рыжеватый, коричневый“, греч. *ποικίλος*, др.-в.-нем. *fêh* „пестрый“, восходящими к и.-е. *rik'-/ *reik'- „пестрый“. Славянское *рьсь в данном случае обозначает животного по масти, что представляет устойчивую модель во многих языках⁴⁶.

Многие исследователи указывают также на параллельное семантическое развитие в древнеармянском и славянских языках и.-е. корня *sken-, связываемого с названием молодых животных: арм. *skunâ* «щенок», прасл. *ščenę*, ст.-сл. *щенę*, рус. *щенок*, чеш. *šteně* и т. д.⁴⁷ Однако более вероятным представляется восхождение армянского слова к и.-е. *k'ṽon-to от *k'ṽon- „собака“ (к переходу *k'ṽ > sk ср. *k'uek'u-rā* > *skesur* „свекровь“).

Скотоводство в любой его форме — достаточно сложное явление человеческой культуры, имеющее огромное значение в жизни самых различных народов. У индоевропейцев, в частности, стадо было источником богатства (и.-е. *рек'у- «скот» > гот. *faihu* «имущество, деньги, собственность», лат. *pecus* «скот, животное, стадо», *pecunia* «деньги, имущество, имение»; др.-рус. *скот* «имущество, имение»), из-за скота велись войны (др.-инд. *gāvisi* «искание коров» и «война»), он был источником питания, одежды, объектом в цепи обмена.

С древнейших времен человек нуждался в домашних животных для жертвоприношений. Это подтверждается хорошо изученными этнографами жертвенными закланиями в честь покойного, нахождением в могильниках костей домашних животных, сожженных или съеденных при погребальном обряде⁴⁸. Существование религиозного культа жи-

41 Слово *собака*, восходящее к иранскому источнику, также восходит к этому корню. Ср. М. Фасмер, ЭС, т. III, стр. 702.

42 М. Фасмер, ЭС, т. III, стр. 248—249.

43 Г. А. Ильинский, Славянские этимологии, — «Русский филологический вестник», т. 69, стр. 13.

44 Н. Osthoff, Etymologische Parerga. I, Leipzig, 1901, стр. 21 и сл.

45 F. Miklosich, EW, стр. 271.

46 Подробно см. М. Фасмер, ЭС, т. III, стр. 248; О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 19—20.

47 М. Фасмер, ЭС, т. IV, стр. 502.

48 Древнее поселение в Подмоскowie, стр. 47.

вотных подтверждается и лингвистическими данными: и.-е. *dīrəgo- «жертвенное животное, скот» > арм. tuag «баран, стадо», гот. tibr «жертвоприношение», др.-в.-нем. zebag «жертвенное животное».

Самое широкое использование имели продукты животноводства, в первую очередь мясо и шерсть. В этом отношении древнеармянский, славянский и другие индоевропейские языки дают достаточное количество примеров: и.-е. *memso- «мясо» > арм. mis, ст.-сл. месо, др.-инд. māmśa-, др.-прус. mensa, алб. mīmza «мясо» (и с другим суффиксом: *memsro- > лат. membrum «кожа», греч. μῆρος «мясо на окорок»⁴⁹, и.-е. *uīna «шерсть» > ст.-сл. вльна, рус. волна «овечья шерсть», лит. vilna, лтш. vilna, др.-инд. ūṅā, авест. varəna, лат. lana, греч. λίγνος, гот. wulla, хетт. ḫulana- «шерсть»⁵⁰, при *uel-mn > арм. geṭmn «шерсть»⁵¹ (из того же корня *uel-).

В древнеармянском и славянских языках засвидетельствован также такой технический термин, как «сдирать кожу»: арм. teṛem «сдирать кожу», прасл. *derq, ст.-сл. дерq, дьрати «сдирать кожу»⁵², а также греч. δέρω «драть», лит. dirti «сдирать», при др.-инд. dṛnati «лопается, трескается, раскалывается», авест. dar- «колоть», гот. distairan «разрывать», алб. djerr «уничтожать, терять».

В изучаемый период значительную роль в жизни индоевропейцев играли естественные ресурсы. Охота на диких животных имела целью не только охрану людей и домашнего имущества, но и была дополнительным источником снабжения мясом населения. Особую ценность, по-видимому, представлял олень, доставлявший помимо мяса и качественное сырье. На это указывают как данные археологии⁵³, так и данные языка: и.-е. *el- «олень» (с суффиксом на -n-) > арм. eṭn «лань», ст.-сл. елень, болг. елѣн, рус. олень, польск. jelen и т. д., а также лит. élnis, alnis «олень, лось», лтш. alnis «лось», греч. ἔλανος «олень»⁵⁴.

Различия в названиях рыб в индоевропейских языках можно объяснить частично изменениями в способе питания, частично тем, что в разных областях обитания индоевропейцы встречались с различными породами рыб.

⁴⁹ М. Фасмер, ЭС, т. III, стр. 30—31.

⁵⁰ М. Фасмер, ЭС, т. I, стр. 339—340.

⁵¹ В древнеармянском языке, помимо geṭmn «шерсть», засвидетельствованы также и другие наименования индоевропейского происхождения: burd «шерсть», brdel «резать» < *bheredh- «резать»; asr «шерсть» < «животное, дающее шерсть», из и.-е. *rek'u-/*rək'u- «скот».

⁵² На большую древность этой семантической параллели указывает наличие дерминатива -s- в армянском и славянских языках: ср. арм. teṛem < *der-s-, ст.-сл. драсати «разделять».

⁵³ Археологические исследования, согласующиеся со свидетельствами письменных памятников, свидетельствуют о большой значимости оленя. См. В. И. Цалкин, Животноводство и охота в лесной полосе в Восточной Европе в раннем железном веке, — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 107, М., 1962, стр. 77, табл. прил. 4.

⁵⁴ М. Фасмер, ЭС, т. III, стр. 134.

Естественно было бы предположить, что со скотоводством было связано и обширное молочное хозяйство. Однако общий индоевропейский термин для молока отсутствует: древние индоевропейские слова, обозначающие молоко, сохранились лишь в отдельных ареалах. ср. прасл. *melko „молоко“ < и.-е. *melg- „доить“ при ирл. melg, гот. miluks „молоко“⁵⁵; лит. pienas, piens; прус. dadan, авест. ksira, payas, xšid; греч. γάλακτος, лат. lac, lactis < *glakt- „молоко“, откуда, может быть, и арм. kat'n „молоко“⁵⁶.

На самый ранний способ получения молока (до доения) указывает и.-е. *dhē(1)- „сосать“, „кормить грудью“: арм. diem „сосать“, ст.-сл. дойр, лит. dienù, лтш. dêju, dêt „сосать“, греч. θήσατο „он высосал“, др.-ирл. denald, др.-инд. dhāyati „сосет“, др.-швед. doeggja „кормить грудью“⁵⁷. Армянский и славянские языки обнаруживают и вторичные параллели, восходящие к этому корню: арм. dayl, ст.-сл. дойло «молозиво». Возможно, что молоко на первых стадиях его получения и приготовления из него сыра, масла и т. п. использовалось исключительно в ритуальных целях (ср. др.-инд. ājyam «жертвенное масло» и имя мифологического конноголового жреца в Ведах—Dadhyañs). Именно поэтому О. Н. Трубачев приходит к выводу, что «древние индоевропейцы не случайно не имели названия для молока, они не знали прежде всего самого молока»⁵⁸.

Интересным подтверждением этого мнения является «Илиада» (XIII, 1—7), где говорится: «Зевс обратил свой взор вдаль, на земли конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных доителей кобылиц, млекоедов и абиев». Под доителями кобылиц, питающимися молоком («млекоедами»), Гомер явно подразумевал живших в Северном Причерноморье киммерийцев или скифов, как и киммерийцы, разводивших лошадей и доивших кобылиц. У греков это явно вызывало удивление. Как было сказано выше, этими же соображениями можно объяснить и разнообразие в обозначении коровы — производительницы молока. Представляется также возможным, что каждый язык прибег к новообразованиям в обозначении коровы, стремясь ликвидировать диспропорции в терминологии, своего рода лакуны, поскольку и.-е. *gou-, имевшее собирательное значение, явно не отвечало практическим потребностям животноводства. Можно заключить, что терминология молочного животноводства сложилась уже после распада индоевропейской общности, независимо в отдельных языках.

Важнейшим вопросом, связанным со скотоводством, является вопрос о транспортном значении домашних животных. Очень важно наличие в и.-е. корня со значением «повозка», а также терминов, обозначающих части упряжи. При этом и.-е. *uog'hos- «повозка» < *ueg'h- «ехать» представлено в славянском, греческом, кельтском,

⁵⁵ Праславянское *melko является скорее всего германским заимствованием.

⁵⁶ См. Г. Б. Джаукян, указ. соч., стр. 95.

⁵⁷ М. Фасмер, ЭС, т. I, стр. 522.

⁵⁸ О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 9.

германском и индоиранском языках. Ст.-сл. *возъ* «телега, повозка», греч. *ὄχος*, др.-в.-нем. *wagan*, ирл. *fēp*, др.-инд. *vāhati*, авест. *vazaiti* «ехать», и.-е. **iugom-* «ярмо», прасл. **jьgo*, ст.-сл. *иго*, арм. *luc* «ярмо» (1 под влиянием *lucapet* «распрягать»), греч. *ἵγυον*, лат. *iugum* «ярмо», и.-е. **audh-* «плести, ткать», ст.-сл. *узда*, арм. *z-aud* «узы». И.-е. корень **uog'hos-* в древнеармянском не сохранился, однако очень важно отметить наличие и в древнеармянском и в славянских языках и.-е. **kʷelos-* «колесо»: ст.-сл. *коло* «колесо», в др.-арм. *holov* «вращение» и *holovel* «вращать», древнее же значение и.-е. корня сохранилось в карабахском диалекте — *holol* «колесо». В западных диалектах и.-е. языковой общности представлен корень **rotos-* «колесо».

Повозку с двумя и четырьмя колесами индоевропейцы знали с древнейших времен (и.-е. **uog'hos* — «повозка», **aksis* — «ось», **dhug* — «дышло», **kʷelos* — и **rotos* — «колесо»). Согласно предположению Чайльда⁵⁹, диффузия колесных повозок, запряженных на наиболее ранних этапах быками, а позднее конями, могла совпасть с путями миграции ранних индоевропейских племен в пору их разделения.

Появление колесниц⁶⁰ можно рассматривать как революцию в транспорте, сделавшую возможными миграции широкого масштаба, характерные для индоевропейских племен.

Бронзовые модели колесниц, найденные в Лчашене, имеют кузов, сплетенный из ивовых прутьев, характерный также и для индоевропейцев (др.-инд. *gathe-stha* «стоящий на колеснице», вед. *vadhū* — «плетение из прутьев» < и.-е. **uedh* «плести»⁶¹, гот. *wandus*, авест. *gaθaesta* «стоящий на колеснице»)⁶².

Традиционная пастушеская терминология включает в себя, наряду с обозначениями материальной культуры, также и обозначения духовной культуры, благодаря чему основные термины могут одновременно соотноситься с несколькими аспектами, в частности с религиозными представлениями, верованиями, обрядами и т. д.

Важную роль играли некоторые домашние животные в хтонических представлениях индоевропейцев.

Общеиндоевропейские истоки можно предположить для целого комплекса ритуалов, связанных, например, с культом собаки. Следы этого культа прослеживаются как в армянской⁶³, так и славянской языко-

⁵⁹ V. C. Child e, *Prehistoric migrations in Europe*. Oslo, 1950.

⁶⁰ А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 г.—СА, 1957, № 2; А. С. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966, стр. 139—140.

⁶¹ См. R. Haushild, *Das Selbstlob (Atmastuti) des somaberauschten Gottes Agni*,—In: *Asiatica*, Leipzig, 1954, стр. 259—278, где предложена реконструкция вед. *vadhū* — «плетение из прутьев», согласующаяся с кузовом, найденным в Лчашене.

⁶² Из новейших работ о колесницах см. в особенности М. А. Litiauer, J. H. Crowell, *Terracotta models as evidence for vehicles with tilts in the Ancient Near East*,—*Proceedings of the Prehistoric Society*, 1974, v. 40, стр. 20—37.

⁶³ Г. А. Капанцян, Историко-лингвистические работы, II, Ереван, 1975, стр. 243—244.

вой традиции. В древнеармянской народной легенде, сохраненной у историков Мовсеса Хоренаци и Анонима, Ара с эпитетом «Прекрасный» выступает как легендарный царь-герой, в которого влюбляется ассирийская царица Семирамида, жена Ниин. Когда Ара отвергает любовь царицы, она идет войной на Армению. Ара погибает, но Семирамида при помощи «аралезов», собакообразных существ-божеств, лизавших раны, воскрешает Ара. Сходные славянские обычаи и поверья, восходящие к индоевропейским истокам, были выявлены в сербохорватских эпических песнях⁶⁴ и в восточнославянском эпосе о Всеславе⁶⁵.

О скотоводческом типе реконструируемой общеиндоевропейской культуры свидетельствует также употребление во многих индоевропейских языках обозначения ластуха по отношению к богам и представление о загробном мире как о пастбище (к примеру, восстанавливаемое для балтийского и славянского отражение и.е. корня **uel-* < **vel-* в качестве названия «скотьего бога»: др.-рус. *Велесъ*, или бога загробного мира: лит. *vėles* «призраки мертвых»)⁶⁶.

На основании приведенных данных можно сделать следующие выводы.

В древнеармянском и славянских языках сохранилось значительное количество общих параллелей, отражающих индоевропейскую скотоводческую терминологию, что позволяет дать достаточно точную характеристику той природной зоны, к которой относились названия животных в древнеармянском и праславянском. Отсюда следует, что носители протоармянского и протославянского языков в общеиндоевропейский период жили в сходной или тождественной экологической зоне, соответствующей зоне общеиндоевропейского. Некоторые авторы приурочивают эту зону к раннему очагу распространения колесных повозок⁶⁷.

Развитая терминология молочного хозяйства в древнеармянском и славянских языках сложилась, по-видимому, после распада индоевропейской языковой общности. Теоретически можно считать с усложнением более простых систем, унаследованных от общеиндоевропейского состояния.

Лексические реконструкции, связанные с животноводческой терминологией, соотносятся одновременно с несколькими аспектами древнеармянской, древнеславянской и индоевропейской культуры. Все это в целом соответствует единому типу культуры и дает надежные критерии для проверки реконструкции отдельных слов.

⁶⁴ M. R. Gerstein, *Warg: the outlaw as werwolf in Germanic myth, law and medicine*, — „Dissertations abstracts internationals“, 33, 1972, стр. 1681.

⁶⁵ R. Jacobson, *Selected writings*, vol. IV, *Slavic epic studies*, The Hague—Paris, 1966.

⁶⁶ См. подробнее: В. В. Иванов, Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным.—«Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1.

⁶⁷ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка,— «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы», М., 1972, стр. 23.

ՀՆԴԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԾԱԳՈՒՄ ՈՒՆԵՅՈՂ ԱՆԱՍՆԱՊԱՀԱԿԱՆ
ՏԵՐՄԻՆԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ ԵՎ ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ
ԼԵԶՈՒՆԵՐՈՒՄ

Բանասիր. գիտ. բեկնածու Լ. Ա. ՍԱՐԱԶԵՎԱ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հնդեվրոպացիներն ունեին զարգացած անասնապահություն և սրա հետ կապված անասնաբուժական համապատասխան գիտելիքներ: Հայերենի և սլավոնական լեզուների՝ ծագումնաբանորեն ընդհանուր անասնապահական բառերի ու տերմինների ուսումնասիրությունը հնարավորություն է տալիս ոչ միայն գաղափար կազմելու հնդեվրոպացիների՝ այդ բնագավառում ունեցած գիտելիքների շրջանակի մասին, այլև տալու բնական այն գոտու բնութագրերը, որտեղ նրանք բնակվում էին: Այդ լեզուների անասնապահական տերմինաբանության վերլուծությունը պարզում է հնդեվրոպացիների նյութական ու հոգևոր մշակույթի որոշ կողմեր, այլև ստեղծում հուսալի չափանիշներ առանձին բառերի վերականգնման ճշգրտությունն ստուգելու, նրանց իմաստային զարգացման պատկերը գծելու համար:

Փաստերը ցույց են տալիս, որ կաթնատնտեսական զարգացած տերմինաբանությունը հայերենում և սլավոնական լեզուներում հավանաբար կազմավորվել է հնդեվրոպական լեզվական ընդհանրության տրոհումից հետո: